

- [15] В ответ на эти наблюдения автор делает следующие выводы: нельзя полностью абстрагироваться от своего мировоззрения, занимаясь историей; смысл неодобрения хадиса Абу Бакры заключался в том, чтобы не допустить, чтобы читатели неправильно истолковали ее несогласие с Халедом Абу Эль Фадлом и Фатемой Мернисси как защиту выраженных в нем мнений; и, наконец, что ее комментарии тафсира обращают внимание читателей на противоречия в этой литературе и на неспособность ее авторов обратиться к своему собственному контексту.
- [16] Luke Yarbrough, *Friends of the Emir: Non-Muslim State Officials in Premodern Islamic Thought* (Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2019), в частности, 73–84. Урбан говорит, что арабы-курайшиты, скорее всего, предпочитали военные должности светским бюрократическим постам (155); как объясняет Ярбро, общепринятое отношение к административным делам среди элиты периода раннего завоевания заключалось в том, что «этим мог заниматься кто-то другой» (Yarbrough, *Friends*, 81).
- [17] В ответ на эти наблюдения автор отмечает, что это отличающееся толкование было мыслительным экспериментом, основанным на подходе «история снизу»: что может означать этот стих для женщины-рабыни в том контексте? Она подчеркивает важность сострадательного воображения (с определенными ограничениями) для историка в его подходе к источникам. В этом отношении на ее работу оказала влияние Джоан Уоллах Скотт (Joan Wallach Scott).
- [18] Блестящее обсуждение этого отличия (и его отмены) в контексте карьеры египетского государственного муфтия Мухаммада Бахйта ал-Муṭī‘ī (ум. 1354/1935) см. в Syed Junaid A. Quadri, “Transformations of Tradition: Modernity in the Thought of Muḥammad Bakhit al-Muṭī‘ī” (PhD диссертация, Университет Макгилла, 2013), 111–137.

doi: 10.35632/ajis.v38i1--2.3393

**Заполнение пробелов:
понимание архитектуры
в исторических и современных
исламских сообществах**

**Архитектура исламского Запада:
Северная Африка и Пиренейский полуостров,
700–1800 гг.**

Нью-Хейвен: Издательство Йельского университета, 2020. 320 страниц.

ДЖОНАТАН М. БЛУМ (JONATHAN M. BLOOM)

**Архитектура глобального социализма:
Восточная Европа, Западная Африка
и Ближний Восток в период холодной войны**

Принстон: издательство Принстонского университета, 2020. 358 страниц.

ЛУКАШ СТАНЕК (ŁUKASZ STANEK)

**Архитектура сосуществования:
построение плюрализма**

Берлин: ARCHITANGLE GMBH, 2020. 288 страниц.

АЗРА АКШАМИЯ (AZRA AKŞAMIJA), РЕДАКТОР

В литературе, посвященной архитектуре и исламу, при обзоре исторических регионов систематически выделяются конкретные памятники, а также конкретные рассказы о том, как они появились. Каждая из трех книг в этой рецензии восполняет пробелы в научных исследованиях, которые не были должным образом освещены ранее. Глубина, насыщенность и сосредоточенность каждой из этих трех соответствующих книг обнаруживают не только новую информацию, но и глубокие связи с существующими исследованиями по данной теме.

Публикации Джонатана Блума в области архитектуры исламского мира в ходе его сорокапятилетней карьеры являются значительными. Его новая книга «Архитектура исламского Запада» является результатом его авторитета и сосредоточенного размышления над рассматриваемым предметом. Он отмечает, что в большинстве обзоров архитектуры исламского мира упоминается лишь несколько зданий, находящихся в Северной Африке и на Пиренейском полуострове (часто только такие достопримечательности, как мечеть Кордовы или Альгамбра). Здесь же Блум рассматривает примерно сотню зданий, которые охватывают период в девять столетий и простираются географически на территориях Западного Средиземноморья и Северной Африки. Он также отмечает методические затруднения при исследовании этих зданий, связанные с труднодоступностью внутренних пространств некоторых помещений мечетей. В его легко читаемом повествовании, разделенном на короткие, снабженные иллюстрациями главы, раскрываются переплетающиеся между собой истории местных достопримечательностей, великих государств и архитектур.

В книге «Архитектура глобального социализма» Лукаш Станек проливает свет на важные моменты переходного периода от колониального правления к независимости, который происходил в пяти странах с исламскими сообществами. Станек систематически демонстрирует, что союзы с социалистическими странами Восточной Европы расширили возможности этих стран в плане архитектуры и городского дизайна. Станек утверждает, что социалистические союзы, хотя и разные в каждой стране, способствовали иному пути модернизации, отличному от их колониальной истории.

«Архитектура сосуществования» под редакцией Азры Акшамии представляет собой критическое размышление над процессом реализации и дальнейшем использовании трех проектов, получивших Премию Ага Хана в области архитектуры (АКАА). Открывающаяся предисловием директора АКАА и Акшамии, книга разделена на пять разделов, посвященных ис-

следованию соответствующих тем, в которых подчеркиваются трудности и потенциал строительных проектов для мусульманских сообществ в современном мире. Проекты эти — мечеть, городская площадь и кладбище — находятся все в европейских городах, служат мусульманским общинам и разделяют сложности дизайна, выходящие за рамки эстетики. Эти места являются главными действующими лицами в предпринимаемых усилиях по согласованию, примирению и объединению диссонантных голосов. Уникальное качество этой научной работы заключается в обоснованном и многостороннем размышлении о воздействии этих проектов после того, как они были сооружены (с 1980 по 2012 г.), на непосредственные сообщества, использующие эти пространства. Эссе в каждом разделе написаны рядом авторских голосов, каждый проект включает фотоочерк и выдержки из интервью с пользователями, непосредственно участвующими в каждом проекте. Современную архитектуру ислама часто отмечают наградами единственно тогда, когда она только сооружена или спустя некоторое время после постройки. Получить представление о значимом проекте через десять-сорок лет после завершения строительства — важная составляющая для полного понимания влияния дизайна.

Архитектура исламского Запада

Расположенные в хронологическом порядке, каждая из девяти регионально тематических глав книги Блума погружает в политический, социальный и географический контекст каждого конкретного периода. Книга богато иллюстрирована сотнями цветных фотографий, большинство из которых сделаны автором, и архитектурными планами, начерченными Николасом Уорнером, который также выполнил архитектурные чертежи для других существенных исследований архитектуры исламского мира (см. мои рецензии-эссе в *AJISS* 29:2 и 34:3).

Глава 1 («Исламская архитектура в ал-Андалусе Омейядов и Ифрикии Аглабидов») дает общее представление об исторических формах мусульманского присутствия и строительства в ал-Андалусе (Южная Испания¹) и Ифрикии (Тунис) в VIII веке.

¹ Ал-Андалус — это не только Южная Испания, в разные периоды существования территория государства охватывала также часть Южной Франции и альпийский регион на границе современной Италии и Швейцарии. — *Примеч. пер.*

Кратко описываются прибытие мусульман на Пиренейский полуостров и самые ранние возведенные сооружения (не сохранившиеся). Контекстуальные условия, которые способствовали формированию самой ранней версии мечети Кордовы, описываются с помощью наглядных архитектурных чертежей, в которых подробно изложены производившиеся расширения, анализ формы и повторное использование существующих материалов. Затем в главе предлагается подробная история образования Аглабидской Ифрикии с основанием Кайруана в качестве столицы. В хронологическом порядке Блум описывает ряд сакральных и светских зданий, построенных в Сусе, Монастире, Сфаксе и Тунисе. Архитектурные чертежи и цветные фотографии дополняют описания; тем не менее некоторые графические выделения (например, жирный шрифт или заголовки разделов) для каждого здания помогут читателю в поиске конкретных построек. Глава завершается обсуждением нескольких мечетей Западного Магриба (Алжир и Марокко) того периода.

Глава 2 книги Блума «Соперничающие халифаты Запада в X веке» описывает соперничество между Ифрикией и ал-Андалусом из-за основания шиитской династии Фатимидов, которая бросила вызов контролю андалусских Омейядов над Северо-Западной Африкой и торговыми путями в регионе. Фатимиды основали новую столицу Махдию и расширили Кайруан; в ответ на это развитие Омейяды расширили мечеть Кордовы и построили Мадинат аз-Захра среди прочих проектов. Блум описывает соперничество, разыгравшееся в Фесе, поскольку каждый халифат стремился контролировать его. Город переходил из рук в руки, вернувшись к Фатимидам в 961 г. В главе рассматриваются сооружения, расширенные и построенные при обоих халифатах, включая те, что в Ашире (Южный Алжир) и Толедо, Испания.

Глава 3 («Долгий XI век: распад империи») прослеживает уход Фатимидов из Ифрикии (оставленной местными правителям) в Египет. Последующие династии Зиридов в Ифрикии и Хаммадидов в центральном Магрибе (обе берберского происхождения) правили своими соответствующими регионами до середины XII века. Глава описывает здания, построенные и восстановленные в Тунисе, Кайруане и центральном Алжире. В течение этого столетия на смену халифату Омейядов в ал-Андалусе пришли несколько небольших государственных образований, называемых тайфами. Блум описывает как, восстав из пепла этого краха, появились Альморавиды, берберское революционное реформаторское движение, зародившееся в Мав-

ритании, которые основали Марракеш в качестве своей столицы и в итоге контролировали большую часть ал-Андалуса и Магриба до XII века и Сицилию. Расширения, произведенные в мечети Кордовы, и постройки, сооруженные в Малаге, Сарагосе и Мурсии, описаны с изображениями и чертежами. Глава завершается историей и изучением Сицилии, которая в течение двух столетий находилась под властью Аглабидов, а затем Фатимидов, но была захвачена норманнами в конце XI века. Блум объясняет, что на Сицилии сохранилось мало архитектуры времен мусульманского правления, но норманнская архитектура XI и XII веков демонстрирует сильное исламское/арабское влияние в проектировании, декоре и пространственной организации. Он анализирует шесть показательных сооружений, чтобы подтвердить свою аргументацию, включая несколько дворцов и кафедральный собор.

В главе 4 («Альморавиды и Альмохады ок. 1050–1250 гг.») Блум прослеживает меняющийся политический ландшафт региона. И Альморавиды, и Альмохады базировались в Марракеше, и у обоих были дополнительные столицы в ал-Андалусе. Аскетичные мечети того времени особо выделяются своими выбеленными интерьерами и едва различимой орнаментацией, что было архитектурным ответом, параллельным критике обоими движениями показной роскоши Омейядов. Блум описывает подъем Альморавидов в 1050-х гг.: они завоевали Фес, основали Марракеш, завоевали Тлемсен (Алжир) и присоединили многие королевства-тайфы в ал-Андалусе. Альморавиды построили множество мечетей: в Испании не осталось ни одной, в Марокко остались части построек, а в западном Алжире полностью сохранились три мечети. Альмохады захватили власть у Альморавидов в 1130 г. и правили большей частью Северной Африки и ал-Андалуса до середины XIII века. Они также являлись пуританами-реформаторами и продолжали критиковать своих предшественников. Альмохады захватили Тлемсен, Марракеш, ал-Андалус (включая Малагу и Гранаду) и Центральный Магриб, включая Тунис. Они построили несколько мечетей и укреплений в Тахе, Тинмеле, Рабате, знаменитую мечеть Кутубия и другие мечети в Марракеше (1147 г.), новую мечеть и дворец в Севилье (1171 г.), несколько сооружений в Толедо. Их власть пришла в упадок при череде девяти слабых правителей, сменявших друг друга в последние полвека существования империи, но ее влияние на архитектуру все еще остается очевидным.

Глава 5 книги Блума («Насриды в ал-Андалусе») описывает крах империи Альмохадов после ее поражения в битве 1212 г. при Лас-Навас-де-Толоса, в результате которой в Магрибе образовались четыре региональные державы. Кордова и Севилья перешли к христианам. В центре внимания главы находится Гранада времен Насридов (1232–1492 гг.), начиная со строительства города-дворца и крепости *ал-Хамра/Альгамбра* («красная») династией бану ал-ахмар. Кратко описываются другие здания (мадраса, гостиницы и бани) в городе, но основное внимание в главе уделяется необычайной архитектуре комплекса Альгамбра. Блум характеризует декоративное изобилие сооружений Насридов как прямой ответ на аскетизм их предшественников Альмохадов. Глава завершается описанием трех соперничающих берберских династий в Северной Африке и архитектуры в стиле *мудехар* христианских и еврейских покровителей, которые переняли «исламские» приемы и мотивы в своих зданиях. Слово *мудехар* происходит от термина «*мудаджан*» («тот, кому разрешено остаться»), относившегося к мусульманам, которым было разрешено остаться в Испании, но этот термин был расширен для обозначения произведений, созданных для христианских или еврейских покровителей на землях, ранее находившихся под исламским правлением. Блум утверждает, что архитектура *мудехар* воплощала принцип «*convivencia*» (жизнь в мире и гармонии), и анализирует несколько выдающихся сооружений в Севилье и Кордове, включая синагоги и христианские дворцы.

В главе 6 («Наследники Альмохадов в Северной Африке ок. 1250–1500 гг.») Блум резюмирует влияние на Северную Африку поражения Альмохадов в 1212 г. объединенными силами Кастилии, Арагона, Наварры и Португалии. Хотя Альмохады ушли в Северную Африку, всего четыре года спустя их власть полностью рухнула, и две берберские племенные династии взяли Северную Африку под свой контроль: Мариниды в Магрибе и Хафсиды в Ифрикийи. Бану марин (также известные как Мариниды) захватили Мекнес, Фес (сделав его своей новой столицей), Сиджилмасу и Марракеш. Несколько новых построек к концу XIII века (в том числе дворец, административные здания, мечеть, мадрасы, казармы и дома в Фесе) свидетельствовали об их присутствии. Мариниды построили мадрасы по всему региону и расширили многие мечети в Агадире, Тлемсене, Тахе, Мансуре, Фесе и Сале. Для маринидской архитектуры значительную роль играет художественное декорирование поверхностей, множество иллюстрированных примеров кото-

рого приведено в этой главе. Хафсиды Ифрикии (1229–1574 гг.) правили до прихода Османов и сделали Тунис своей столицей, их правление распространилось на Ливию, Алжир и часть Марокко. Не будучи столь продуктивными, как Мариниды, Хафсиды тем не менее были очень активны в своей строительной кампании, построив и расширив множество зданий в регионе. Блум утверждает, что на проектирование мадрас и зданий Хафсидов оказала влияние современная им архитектура мамлюкского Египта.

В главе 7 («Между Османами и Габсбургами: Ливия, Тунис и Алжир ок. 1500–1800 гг.») Блум описывает изменившееся положение региона по отношению к остальному миру. К XV веку Северная Африка была разделена на более мелкие государственные образования и «созрела для вмешательства внешних сил» (215). В то время как Европа процветала в эпоху Возрождения, страны Северной Африки вступили в «относительно темные века». Османы завоевали Константинополь в 1453 г., что ознаменовало конец византийской эпохи, а португальцы и европейцы проникли в Америки, когда в 1492 г. был «открыт» Новый Свет. Блум отмечает, что в этот период региональная архитектура менялась в зависимости от европейского присутствия и османской экспансии, начиная от гибридности и заканчивая преднамеренным продолжением исторических/традиционных форм. Описаны четыре мечети, построенные в этот период в Ливии преимущественно в османском стиле. Блум утверждает, что стиль в Тунисе представлял собой смесь существующих традиций и османского влияния. Гибридный характер проектирования мечетей продолжился в Алжире, в главе приводится описание нескольких мечетей и святынь этого периода.

В предпоследней главе Блума («Шерифские династии Марокко ок. 1500–1800 гг.») упоминаются названия стран XVI века, таких как Марокко, Алжир и Тунис (в отличие от прежних обозначений Магриба и Ифрикии), что было результатом османских соглашений с европейцами. Две династии заявляли о своем происхождении от Пророка: Саадиты (1510–1659 гг.) и Алауты (с 1631 г. по настоящее время). Саадиты захватили крупные города Марракеш и Фес в XV веке и процветали благодаря активной торговле с Европой (сахар, селитра для синей шерсти и оружия), что эффективно интегрировало Марокко в мировую экономику. Описан ряд мечетей, построенных в этот период, а также караван-сарай, мосты, мадрасы и крепости. Затем Блум обращается к возвышению Алауитов, захвативших Фес, Марракеш и Мекнес (их столицу); они строили

дворцы, мечети, мадрасы, базары и другие сооружения. Территории Марокко стали испанскими и французскими протекторатами в 1860-х гг. до 1956 г., когда страна, которая по-прежнему управляется потомком рода Алауитов, обрела независимость. Блум утверждает, что архитектура обоих этих периодов в значительной степени опиралась на традиции, заложенные в эпохи Альмохадов и Маринидов и что рост суфизма (мистического ислама) спровоцировал увеличение строительства *завий* и *рибат* (обителей).

В заключительной главе («Эпилог: наследие магрибинской архитектуры») Блум утверждает, что «конец» этой истории ознаменован основанием французских и испанских колоний в Северной Африке в XIX веке, но что эти здания продолжали использоваться, ремонтироваться и модифицироваться даже спустя время. Таким образом, книга заканчивается рассказом о том, как эти традиции повлияли на более позднюю архитектуру региона, а также Европы и Америк (очень похоже на то, как в третьей главе рассказывается, как Сицилия в XI/XII веках приняла исламский архитектурный язык для строительства сооружений для христианских покровителей). В Марокко большинство строителей по-прежнему продолжают работать в традиционных стилях. В Алжире французское колониальное правление положило конец всем отсылкам к традиции и разрушило многие здания. На Пиренейском полуострове элементы исламской архитектуры были адаптированы для христианских и еврейских зданий в стиле *мудехар*. Публикации XIX и XX веков об исламских зданиях в Испании популяризировали эти мотивы и оказали влияние на дизайн зданий в Европе и даже в Северной Америке. Блум кратко упоминает некоторые современные мечети в Испании. В Тунисе, который стал французским протекторатом в 1881 г., старые медины и здания оставались нетронутыми при строительстве нового города.

В целом, Блум описывает истории и здания ясным языком, переплетая информацию о структуре, архитектуре, источниках, истории и т. д. в повествовательной манере, доступной для новичка и познавательной для эксперта. Блум старается сосредоточиться на возведенных сооружениях и контекстах с беспристрастным описанием исторических условий. Таким образом, читателю предоставляется возможность сформировать свою собственную критику различных политических перемен в регионе и их влияния на архитектурную среду.

Архитектура глобального социализма

Состоящая из введения, четырех глав, каждая из которых посвящена конкретному региону, и заключительного эпилога, эта книга представляет собой обширный исследовательский материал, в котором анализируются неопубликованные архитектурные чертежи, газетные статьи и материалы из различных средств массовой информации. Сам автор провел значительное время в различных местах, которые описываются в книге, а фотографии, включенные в книгу, являются его собственными и историческими изображениями. В Главе 1 («Введение: созидание мира с помощью архитектуры») Станек излагает концепцию и суть аргументации, а именно то, что контакты Африки и Ближнего Востока с Восточной Европой были частью постколониального движения нескольких стран по направлению к современности и что территориальная дезорганизация и реорганизация явились «созидающими мир», поскольку эти страны созидали независимость. В тот период президенты Югославии, Индии, Египта, Ганы и Индонезии сформировали Движение неприсоединения (ДН). Эта группа предложила деколонизированную реструктуризацию мировой экономики для оказания помощи развивающимся странам. Все города, рассматриваемые в этой книге (Аккра, Лагос, Багдад, Абу-Даби, Кувейт), находятся в странах, которые были членами ДН. Научное «слепое пятно» в этой теме привело к упрощенному пониманию взаимосвязи между архитектурой и урбанизацией. Станек утверждает, что уникальное сотрудничество этих стран с социалистическими странами имело три аспекта: кооперация предлагала выгодные условия обмена товарами и услугами, включая бартер; часто это включало обучение местного персонала и использование местных ресурсов; и это бросило вызов иерархии власти и престижа, унаследованной от колониального периода, посредством условий соглашения и мобилизации языка архитектуры. Основное внимание в книге уделяется труду архитекторов, проектировщиков и тех, кто был вовлечен в строительную индустрию.

В Главе 2 («Глобальный путь развития: Аккра, 1957–1966 гг.») Станек сосредотачивается на этом городе в Гане в период независимости от британцев. Основным проектом нового правительства была Международная торговая ярмарка, построенная по заказу и предназначенная для демонстрации радикального модернизма, наделяющего силой недавно обретшую

независимость страну. Сотрудничество с социалистическими странами на уровнях проектирования (польскими архитекторами в сотрудничестве с ганским архитектором) и строительства (осуществляемого Ганской национальной корпорацией, подготовленной различными специалистами в СССР). Этот проект положил начало современному строительному языку «взгляда в будущее» и расширению города и инфраструктуры за пределы порта и колониального ядра. Станек подробно описывает полные списки зданий, архитекторов и партнеров из Ганы, снабжая материал городскими чертежами, историческими и современными фотографиями. Книги, опубликованные в середине XX века российскими экспертами, анализирующими городское планирование в жарком климате в сравнении с традиционной архитектурой в советской Средней Азии, позволили социалистическим и ганским специалистам использовать кросс-культурные подходы к проектированию. Реализованные в Гане проекты публиковались в советских архитектурных журналах с чертежами и изображениями. Ориентация на климат в процессе проектирования привела к тому, что Станек назвал «созидающей мир» архитектурой. Конечно, этот процесс не был лишен недостатков, поскольку многие проектировщики также предусматривали неместные и импортные материалы, что, по мнению автора, было «проблематичным». Однако в целом подобный импульс и самовыражение после обретения независимости придавали стране силы.

В Главе 3 («Восточноевропейское определение мира: Лагос, 1966–1979 гг.») Станек фокусируется на крупнейшем городе Нигерии и объектах, спроектированных и построенных после окончания жестокой гражданской войны. Этот период также совпал с нефтяным бумом, который финансировал модернизацию города и региона. Хотя политический класс не испытывал тяги к социализму, как в Гане, они присоединились к ДН и сотрудничали с социалистическими странами для строительства многих крупномасштабных проектов, в том числе Театра национальных искусств. Автор утверждает, что между двумя народами наблюдается сходство: жители Восточной Европы и Западной Африки жили в одном и том же мире борьбы с экономической отсталостью; обе подверглись колонизации; обе существовали на периферии и столкнулись с проблемами трансформации своих экономик (101). Таким образом, «созидание мира», о котором идет речь, было основано на признании общности с восточноевропейскими архитекторами, использовании инструментов, которые они сформировали благодаря

своим собственным прецедентам. Например, польское исследование Збигнева Дмоховски (Zbigniew Dmochowski), опубликованное в трех томах («Введение в традиционную нигерийскую архитектуру»), сыграло важную роль в деколонизации понимания архитектуры и институтов в Нигерии. Эта работа включила 1600 изображений традиционной нигерийской архитектуры с разделом, посвященным мусульманской религиозной архитектуре. Ранее автор написал сравнительное исследование о традиционной архитектуре Польши; позже он принял участие в проектной группе по строительству музея традиционной нигерийской архитектуры и музея Джоса, в который вошли исламские архитектурные памятники. По словам Станека, эта публикация «открыто критиковала систематическое обесценивание исконной культуры Нигерии, которое имело место при колониальном правлении» (134). Глава завершается подробным исследованием того, как этот сдвиг повлиял на учебную программу национальных архитектурных школ, где традиция стала использоваться в качестве отправной точки для создания современной нигерийской архитектуры. Представители Восточной Европы, участвовавшие в этом тематическом исследовании, помогли деколонизировать архитектурное образование в Нигерии в то время.

В Главе 4 («Мировая социалистическая система: Багдад, 1958–90 гг.») Станек описывает интенсивный обмен между социалистическими странами и Ираком в ходе нескольких крупных строительных комиссий, начавшихся в конце 1950-х гг., после государственного переворота, свергнувшего прозападную монархию короля Фейсала II. Затем партия Баас провозгласила Ирак объединенным арабским государством с исламом в качестве государственной религии и социалистической экономикой (с государственной собственностью на природные ресурсы и производство с бесплатным образованием и здравоохранением). Автор описывает перенос архитектурного дизайна из социалистических стран в Ирак между переворотом 1958 г. и войной в Персидском заливе в 1990 г. До 1958 г. городским развитием Багдада руководили британские архитекторы и градостроители; после переворота политический ландшафт резко сместился в сторону союзов с социалистами. Восточноевропейские и советские архитекторы, проектировщики и инженеры были вовлечены в крупномасштабную национальную программу строительства; они преподавали в первых национальных архитектурных школах, основанных в этот период. Школы включали изучение истории Багдада, исламской архи-

тектуры и подходов к проектированию, которые объединяли местную историю с современной архитектурой. Автор завершает главу упадком социалистического сотрудничества: после нефтяного эмбарго 1973 г. ближневосточная нефть, западные деньги и восточноевропейские товары и услуги оказались связанными замкнутым кругом.

В Главе 5 («Социализм в условиях глобализации: Абу-Даби и Кувейт, 1979–90 гг.») Станек описывает сотрудничество между социалистическими странами и местными фирмами в ОАЭ и Кувейте в конце 1970-х гг. ОАЭ, независимые с 1971 г. и член ДН, установили дипломатические отношения со странами Восточной Европы в середине 1980-х гг. Кувейт, независимый с 1961 г. и член ДН, принял советскую военную помощь после того, как британские военные покинули регион в 1971 г. Однако Кувейт основал ОПЕК и определял себя как открытый рынок в начале 1980-х гг. (не допуская политических соображений при проведении тендеров для заключения контрактов). Обе страны инвестировали значительные средства в городское развитие за счет увеличения доходов от государственной нефти. Таким образом, утверждает Станек, возникло новое измерение: архитекторы, проектировщики и подрядчики из социалистических стран были интегрированы в глобальные рынки проектных и строительных услуг, где доминировал Запад, что вызвало конкуренцию и сотрудничество. Станек отмечает, что в большинстве проектных заданий для работы в этом регионе требовалось включение в дизайн «арабской» или «исламской» культуры, что приводило к гибридным архитектурным словарям. Конкурсы по городскому планированию и дизайн-проекты (правительственных, институциональных, жилых и культовых зданий) привели к новым формам сотрудничества между восточноевропейскими экспертами и западными и местными архитекторами. Станек завершает главу вторжением Ирака в Кувейт в 1990 г., что привело к исходу иностранных специалистов, совпавшему с закатом социализма в Восточной Европе. Хотя к тому моменту роль восточноевропейских экспертов в области дизайна на Ближнем Востоке завершилась, их опыт работы на конкурентном рынке, который требовал сотрудничества, был важным опытом, когда они вернулись на родину, отличая их от своих коллег-соотечественников. Станек также отмечает, что в 2000-х гг. некоторые из них вернулись на работу в Северную Африку и на Ближний Восток на основании этого предыдущего опыта.

В эпилоге Станек описывает процесс проведения интервью с архитекторами и подрядчиками в их домах в Восточной Европе. Он утверждает, что с точки зрения «юга» можно оценить, насколько история модернизма в этих регионах была «фундаментально антагонистической и неоднородной» (303). Станек описывает некоторые виды сотрудничества между восточноевропейскими, западноафриканскими и ближневосточными экспертами в этот период и предоставляет подробный перечень своих источников.

Эта книга представляет собой содержательное и тщательное исследование роли восточноевропейских архитекторов и экспертов в становлении пяти ключевых городов Западной Африки и Ближнего Востока. Заполняя важные пробелы в понимании глобализации современной архитектуры, информация, представленная в книге, полезна как экспертам, так и новичкам. Обилие визуальной документации, как исторической, так и современной, а также подробные ссылки делают ее ключевым вкладом в изучение предмета.

Архитектура сосуществования: построение плюрализма

Это углубленное исследование влияния трех проектов, получивших награду АКАА, позволяет взглянуть на темы более широкого масштаба относительно комплексного характера современных мусульманских зданий. Три проанализированных проекта включают Белую мечеть Шерефудина в Високо, Босния и Герцеговина (построена в 1980 г., АКАА 1983 г.); Суперкилен в Копенгагене, Дания (построен в 2012 г., АКАА 2016 г.); и исламское кладбище в Альтахе, Австрия (построено в 2011 г., АКАА 2013 г.). В предисловии к книге директор АКАА Фаррох Деракшани (Farrokh Derakshani) подчеркивает важность тем, затронутых в исследовании, и их воздействия внутри их сообществ. Во введении Азры Акшамии подчеркивается важность того, «как построенные формы могут формировать более открытое, плюралистическое общество», и определяется социальное влияние этих проектов с течением времени. Заглавные темы в следующих главах подчеркивают комплексные и взаимосвязанные качества этих проектов.

В разделе I («Построение плюрализма») три эссе размышляют об идеях и программах — транскультурности, общности и смерти — трех проанализированных проектов. Первое

эссе Вольфганга Вельша (Wolfgang Welsch), профессора философии из Германии, «За пределами гомогенности: о концепции транскультурности» анализирует сложный характер определения и понимания сосуществования нескольких культур в одном месте и в одно время. Он разоблачает такие термины, как «мультикультурный» и «межкультурный», из-за их проблематичности и присущего им базового вывода об особой национальной культуре. В ответ на новый национализм и растущие ксенофобские тенденции он выступает за «транскультурность» (термин, который он сам придумал), которая «до мозга костей» характеризуется смешением и проницаемостью многих культур. В архитектуре этот термин допускает двойное кодирование и смешивание в изобретенных формах, которое не является лоскутным шитьем и которое можно читать одновременно по-разному, как в трех проектах в этой книге.

Второе эссе историка архитектуры и искусства Мохаммада ал-Ассада (Mohammad al Assad) «Сообщества иммигрантов и их сооружения» обобщает важность и влияние мечетей, спроектированных и построенных в западных городах, с акцентом на пяти главных мечетях Парижа (1926 г.), Вашингтона (1957 г.), Лондона (1977 г.), Рима (1992 г.) и Нью-Йорка (1991 г.). Ал-Ассад подчеркивает, что все они находятся в процессе обсуждения местоположения, покровительства и программной деятельности.

Заключительное эссе в этом разделе «Архитектура смерти в исламе: краткая кросс-культурная история», которое написал Нассер Раббат (Nasser Rabat), профессор программы Ага Хана Массачусетского технологического института, кратко описывает изменение форм погребальной архитектуры в исламском мире, начиная с VII века. В частности, он отмечает влияние доисламских практик и форм на исламские захоронения по мере географического распространения религии, от неглубоких и минимальных захоронений в пустыне до больших мемориальных сооружений в городе.

Раздел II («Расхождение») посвящен Белой мечети Шерифудина в Високо, Босния и Герцеговина. Художник *Велибор Божович* (Velibor Božović) открывает этот раздел прекрасным фотоочерком и отрывками из интервью с местными имамами, членами общины, кинорежиссером, архитектором Златко Угленом (Zlatko Ugljen) и его дочерью (которая также является архитектором). На изображениях запечатлена жизнь и старение мечети с момента ее строительства сорок лет назад. Интервью кратко выражают общие и современные чувство гордости и

представление о месте, относящиеся к этой модернистской мечети, а также противоречивые толкования того, как мечеть должна/не должна решать гендерный вопрос.

Второе эссе профессора Йоркского университета Амилы Бутурович (Amila Buturović) «Обезглавленные, они идут: кефалофоры² и сосуществование в османской Боснии» рассматривает мертвых как субъектов/агентов, а не как объекты/останки в святынях и сооружениях, увековечивающих их память по всей османской Боснии. Опираясь на анализ архитектурных форм, а также на исторические и фольклорные сообщения о конкретных памятниках в регионе, Бутурович описывает богатый ландшафт сосуществования полов, а также мусульман и христиан в их общем наследии и участии в этих пространствах. Прямая связь с модернистской Белой мечетью Шерефудина не упоминается; однако форма минарета этой мечети очень напоминает типичную форму кефалофора, также у мечети есть небольшое кладбище во дворе.

В третьем эссе раздела «Босния и уничтожение сосуществования» Хелен Валасек (Helen Walasek), исследователь и эксперт-консультант из Великобритании, рассказывает о жестоких и катастрофических событиях и последствиях войн 1992–1995 гг. в Боснии. Этническая чистка включала систематические убийства более ста тысяч человек (и более двух миллионов перемещенных лиц) и преднамеренное уничтожение религиозных и культурных ценностей (включая 1000 из 1144 мечетей страны, а также сотни церквей и культурных учреждений). После окончания войны Дейтонское мирное соглашение 1995 г. позволило перемещенным лицам вернуться, но трудности с восстановлением домов и мест отправления культа усугубили травму, пережитую оставшимися в живых. Эссе завершается упоминанием некоторых реконструкций мечетей и потенциальных знаков надежды.

В следующей главе «Мечеть прежде всего: примирение с последствиями насилия в Боснии посредством восстановления наследия» Амра Хаджимухамедович (Amra Hadžimuhamedović), директор Центра культурного наследия Международного форума Боснии, рассказывает о жизни после войны. Хаджимухамедович описывает попытки восстановить «домашний пейзаж» и рассказывает, как мечети систематически разрушались

² Кефалофоры – статуи, изображающие обезглавленных людей, как правило, христианских мучеников, держащих в руках собственные головы. – *Примеч. ред.*

и сбрасывались в реки, озера, кучи мусора и ужасным образом закапывались в братских могилах с тысячами убитых людей. При раскопках остатков мечетей в последнее десятилетие согласованные усилия направлены на восстановление мечетей в небольших деревнях по всей стране. Автор описывает работу Международной летней школы «Молодежь и наследие» в Столаце, которая помогла собрать вместе сотни молодых людей для оказания помощи в этом проекте реконструкции. Хаджимухамедович подчеркивает, что реставрация этих мечетей является актом справедливости и служит важным ориентиром для других пострадавших от войны мест.

Третий раздел книги («Диссонанс») посвящен городскому проекту «Суперкилен», построенному в 2012 г. в Копенгагене, Дания. Он начинается с фотоочерка Йеспера Ламбека (Jesper Lambæk), а также заметок и интервью, проведенных шведско-датским исследователем Тиной Гудрун Йенсен (Tina Gudrun Jensen). Йенсен взяла интервью у нескольких жителей близлежащих районов и тех, кто пользуется этими пространствами, включая студентов, архитекторов, общественного деятеля и специалистов по городскому обустройству. Было выражено единое мнение относительно того, что 750-метровая в длину площадь, состоящая из трех частей, с ее «красной» спортивной зоной, «зеленым» парком и «черными» рыночными зонами, была успешной в урбанистическом смысле (для привлечения людей). Включение 108 объектов со всего мира позволило маргинализированным приезжим (многие из которых живут в этом районе) почувствовать себя принятыми и включенными в этот район.

Второе эссе «Риторика сегрегации, повседневные формы сосуществования: различные взгляды на разнообразие и сосуществование в Дании», также написанное Тиной Гудрун Йенсен, более подробно раскрывает контекст проекта. Йенсен описывает ограничительную инфраструктуру действующей политики, а также публичные дебаты об иммиграции в Дании, которые фактически поставили в невыгодное положение и маргинализировали мигрантов в стране. Она отмечает, что Дания является одной из стран с самым высоким рейтингом расовой и религиозной дискриминации, включая ксенофобию, вандализм и преступления на почве ненависти, направленные против пространств, которые являются очевидно «другими», как, например, мечети. Поэтому в рамках различных стратегий предпринимаются попытки «интегрировать» мигрантов в страну. Йенсен завершает эссе дальнейшими размышлениями

о Суперкилен и о том, как он стал «местом пересечения» повседневных взаимодействий, как он работает как «третье пространство» и как он допускает новые формы «невидимого существования».

В следующем эссе этого раздела «Концепция границы: скандинавское общественное пространство в XXI веке» Дженнифер Мак (Jennifer Mack), профессор архитектуры из Стокгольма, размышляет о трех проектах в Дании и Швеции, создавших новый тип скандинавского общественного пространства. Мак отмечает, что посредством городского участия такие проекты, как частное пространство гостиной, превращенное беженцами в общественное в северном шведском городе, реконструированные площади эпохи позднего модерна в пригороде Мальмё, а также Суперкилен в Копенгагене – все эти проекты позволили найти новые способы сотрудничества и участия в публичном пространстве, в которое включались мигранты.

В заключительном эссе раздела «Конфликтующие конфигурации: о Суперкилен» Барбра Штайнер (Barbra Steiner), директор Кунстхауса в Граце, Австрия, делится своими мыслями о неоднородности Суперкилен. Сосредоточив внимание на процессе проектирования и разнообразии 108 объектов и одиннадцати деревьев (из 60 разных мест), Штайнер обсуждает «монтажное» качество дизайна. Она отмечает, что предметы были куплены, реконструированы и специально изготовлены в различных эстетических формах (например, не все они одинакового качества и мастерства). Тем не менее, пишет она, пространства позволили различным позициям и идентичностям существовать в новой гетерогенности.

Четвертый раздел книги, «Согласованность», посвящен кладбищу в Альтахе. Вступительный фотообзор Николая Вальтера (Nikolai Walter) запечатлел невероятную красоту проекта в сочетании с личными размышлениями Робера Фабаха (Rober Fabach), профессора истории архитектуры из Лихтенштейна, а также интервью с местными жителями и пользователями, мэром Альтахы и Бернардо Бадером (Bernardo Bader) (архитектором проекта). Показательным является отрадное сотрудничество между группами для представления и демонстрации этого кладбища. Жители и мэр высказывают свою гордость и выражают свою связь с пространством, а архитектор разделяет свое убеждение в том, что может внести свой вклад с помощью своего дизайна, который глубоко укоренен на этих территориях и вдохновлен сообществами.

Во втором эссе «Культивируя согласованность: исламское кладбище Альтаха, Австрия», которое написала рожденная в Сараево австрийская мусульманская художница и историк архитектуры из Гарварда Азра Акшамия, описывается ее роль в проектировании интерьера молитвенного пространства. Акшамия отмечает, что успех проекта и его признание широкими слоями населения были обусловлены тем, как проект был доведен до сведения общественности, и тем, как он функционировал как форма межкультурной связи. Акшамия делится своим вдохновением и намерениями относительно дизайна стены михраба и молитвенных ковриков с очень специфической артикуляцией материальной составляющей мастерства, связанного как с контекстом, так и с людьми, которым было поручено их изготовление. Для Акшамии было важно, чтобы дизайн позволял людям находить точки соприкосновения между разными культурами (и разными течениями ислама), не становясь при этом одинаковыми.

Третье эссе в этом разделе «Исламское кладбище как выражение развития мусульманской принадлежности в Форарльберге» написано Симоном Берчер-Матисом (Simon Burtscher-Matis), независимым социологом из Австрии. Берчер-Матис резюмирует историю иммиграции мусульман в регион Форарльберг на протяжении трех поколений, большинство из которых прибыли из Турции (1960-е гг.) и Боснии (1990-е гг.). Берчер-Матис приходит к выводу, что последующие поколения продемонстрировали восходящую мобильность благодаря образованию и все еще находятся в процессе становления. Наличие кладбища для этих мусульман свидетельствует о признании их религии частью общества, в котором они проживают.

В заключительном тексте этого раздела «Предложение лидерства» приводится разговор между Азрой Акшамией и Евой Грабхерр (Eva Grabherr), чья обширная работа с «*okay.zusammen leben*»³ привела ее к инициированию проекта кладбища. Описание Акшамией лидерства Грабхерр как «эластичного» отражает гибкость и способность Грабхерр объединять множество различных заинтересованных сторон и направлять сложные социальные процессы. Грабхерр считает, что это кладбище является катализатором для семей, дискуссий, мероприятий и возможностей для того, чтобы вносить

³ *Okay.zusammen leben* – проект, посвященный интеграции и совместной жизни в культурном разнообразии в Форарльберге. – Примеч. ред.

вклад и чувствовать принадлежность. Грабхерр отмечает, что тема (смерть) настолько глубоко затронула многих людей, что «сочувствие проявилось наружу».

Последний раздел книги включает эссе Али С. Асани (Ali S. Asani) под названием «Ислам, искусство и педагогика». Как профессор Гарвардского университета, он отмечает недостаток общественного и академического понимания живого ислама. Асани представляет открытый курс, который он преподает, под названием «Мультисенсорная религия: переосмысление ислама посредством искусства», посвященный обучению и пониманию исламской культуры и теологии через художественное выражение. Курс дает студентам возможность синтезировать материалы в портфолио творческих работ, начиная поэзией и заканчивая живописью и проектированием мечети для американского города. Его эссе завершается его глубоко прочувствованным вдохновением от творческих работ и идей студентов. Это необычный, но очень подходящий способ завершить книгу. На протяжении всей книги многие голоса и точки зрения рассматривают сложный характер и борьбу за создание новых пространств для мусульманских сообществ в различных состояниях «инаковости». Как и каждый из трех обсуждаемых проектов, книга не предлагает всеобъемлющего решения, а скорее дает представление о процессах, происходящих внутри и вокруг пространств. Таким образом, заключение с эпилогом о педагогике еще больше подчеркивает потенциальную возможность открытого и непрерывного взаимодействия с идеями и материалами.

Заключение

В литературе по исламской архитектуре есть много «настоящих» книг, которые просто воспроизводят или переупаковывают существующие знания по этому предмету часто с акцентом на внешний вид очень известных сооружений. В противоположность этому оригинальные материалы этих трех книг заполняют явные пробелы в существующих научных исследованиях. Помимо визуальной демонстрации исламской эстетики, эти работы углубляются в сложности культурных, политических, социальных и географических факторов, контекстуализирующих обсуждаемые пространства. Являясь экспертом, Блум показывает ряд зданий, построенных в Северной Африке

и на Пиренейском полуострове, в четком повествовании, наполненном многочисленными чертежами и фотографиями. Глубина кросс-дисциплинарных исследований Станека создает четкую основу знаний по предмету, который очень редко, если вообще когда-либо, затрагивался в истории постколониальных исламских обществ. Временами этот текст очень насыщен и выигрывает от включенных на всем его протяжении визуальных материалов. В предыдущей публикации Акшамии (см. мою рецензию-эссе в AJISS 34: 3) она позиционировалась и как автор, и как деятель искусства, а предпринятые ею действия в качестве дизайнера служили отправной точкой для ее анализа. Точно так же здесь она дает прямое представление о проекте, в разработку которого она была вовлечена, в то время как в роли редактора она курировала ряд голосов, размышляющих об использовании трех современных мусульманских пространств. Этот тип исследований уроков и воздействия архитектурного дизайна крайне необходим в научных кругах и в более широких сообществах.

ТЭММИ ГАБЕР/ТАММУ ГАВЕР

ДИРЕКТОР И ДОЦЕНТ

ШКОЛА АРХИТЕКТУРЫ МАКЬЮЭНА, ЛАВРЕНТИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОНТАРИО, КАНАДА

doi: 10.35632/ajis.v38i1--2.3394